

◆ | 1-й г. изданія | ◆

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

◆ | 1-й г. изданія | ◆

ВОСТОЧНАЯ ЗАРЯ

№ 46.

Воскресенье, 14 июня 1909 г.

Отдѣльный №—5 коп.

Выходить въ г. Иркутскѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

большого сердца; онъ „печалился“ о ней всей силой своего огромного заразительного таланта—и умеръ вдали отъ нея, на чужбине, почти совсѣмъ одинъ...

Чеховъ, этотъ страстно ищущій людей, жаждя къ жизни, съ тонкимъ проникновениемъ красоты человѣка, былъ щемище, томительно одинокъ...

Талантъ Чехова былъ признанъ и получалъ какъ-бы право почетнаго гражданства. Передъ личностью его преклонялись, обожали. И въ то же время, думается, никто такъ не страдалъ отъ людей, какъ Чеховъ.

И такъ всю жизнь...

Мнѣ приходитъ на память одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Баденъ-Вейлерѣ гдѣ умеръ Чеховъ, случай, очень ярко иллюстрирующій отношеніе къ Чехову людей, даже мало его знавшихъ.

Это было въ 1907 году, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Чехова.

У входа въ Баденъ-Вейлерскій паркъ, куда любилъ ходить и Антонъ Павловичъ, стоялъ старый, смурый на видъ, молчаливый газетчикъ. И вотъ этого старика, мрачнаго, суроваго и неразговорчиваго, мнѣ пришлось видѣть одинъ разъ умиленнаго до слезъ, а другой разъ изволнованнаго до потери возможности говорить. Старикъ развлекался отъ умиленія, когда я въ одинъ изъ своихъ приѣздовъ изъ Россіи привезъ ему въ подарокъ снимокъ съ могилы Чехова. Но мнѣ хочется рассказать о второмъ фактѣ. Однажды утромъ я по обыкновенію подошелъ къ нему, чтобы купить газету.

— Печальныя, очень печальныя новости, — блѣдный, взволнованнымъ голосомъ встрѣтилъ онъ меня.

Это былъ указъ о разгонѣ второй Думы и пресловутый новый избирательный законъ.

И, видя мое изволнованное лицо, старикъ дрожащими руками, такъ участливо, такъ нѣжно поглаживая меня по плечу и еще слышимымъ отъ волненія голосомъ сказалъ:

— Вамъ ничего... вы молодой... а вотъ, какъ Чеховъ бы изволновался...

И этотъ старецъ, чужой, никогда не читавшій ни одной строчки Чехова, нѣтъ-нѣтъ его нѣсколько разъ и такъ свято чтиншій его память, произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я забылъ о томъ, что полученномъ большомъ наѣстѣ и могъ только думать о томъ, какъ великъ и обаятеленъ Чеховъ.

Я привелъ этотъ фактъ для того, чтобы, сопоставивъ его со всѣмъ тѣмъ, что я ниже расскажу о послѣднихъ дняхъ Антона Павловича, можно было-бы явче и легче убѣдиться въ томъ „трагическомъ“ отношеніи къ нему людей, о которомъ я упоминалъ выше.

Мнѣ пришлось быть въ Баденъ-Вейлерѣ въ первый разъ въскрѣсь послѣ похоронъ Чехова.

Случайно, по совету моихъ московскихъ друзей я поселился въ Villa „Friederike“, совершенно не подозревая, что именно въ этомъ домѣ пролежалъ свои послѣдніе дни Чеховъ.

Хозяинъ виллы, жавъ, что я изъ Россіи,

привинивъ ко мнѣ особенную нѣжливость и, поспѣшивъ сообщить, что у него жила „вашъ Чеховъ“, какъ она называла покойнаго писателя, предложилъ мнѣ, очевидно въ видѣ особой привлекательности, занять его комнату. Это было, какъ я уже сказалъ, спустя всего нѣсколько дней послѣ того, какъ мы молча расходились изъ Ново-Дѣвичьяго монастыря (въ Москвѣ), оставивъ тамъ навсегда, поэтъ невысокой развѣистой линой, дорогаго Чехова, когда еще острое чувство незаметимой потери болѣзненно жило въ каждомъ изъ насъ, и когда каждое воспоминаніе растрывало рану...

Жить въ комнатѣ Чехова я, конечно, отказался.

Но попросилъ хозяина, показать мнѣ комнату и рассказать подробно все, что онъ зналъ о послѣднихъ дняхъ Антона Павловича.

Комната Чехова помещалась въ наемномъ этажѣ дома. Маленькая, свѣтлая, уютная—она скорѣе напоминала уголокъ для отдыха, чѣмъ рабочую комнату. Двѣ рядомъ стоявшія постели, зеркальный шкафъ, круглый столикъ, мягкія удобныя кресла и кушетка—вотъ вся обстановка. И въ этомъ выборѣ комнаты чувствовалось, что Чеховъ отлично сознавалъ всю озабоченность своего положенія и былъ настолько слабъ, что не могъ уже работать.

Съ балкона комнаты, выходящаго въ прекрасный тѣнистый паркъ, открывался ясный видъ на Рейнскую долину и Вогезы. Здѣсь особенно любилъ гулять Антонъ Павловичъ. (На этомъ мѣстѣ поставленъ ему памятникъ).

Чеховъ пріѣхалъ въ Баденъ-Вейлеръ, утомленный долгими перѣздами, совершенно измученный, и скромно прописался въ номеръ для пріѣзжающихъ: Doctor Anton Tschekow und Frau aus Moskau.

Хозяинъ виллы, типичный вѣмольскій буржуа, не обратилъ никакого вниманія на Чехова.

— Вѣдь существуетъ же много врачей, — рассказывалъ онъ мнѣ.

Антонъ Павловичъ очевидно страдалъ вскрѣпленіемъ желудка и потому женѣ его приходилось самой на кухнѣ слѣдить за приготовленіемъ кушаній, что очень беззаконно для хозяина виллы.

Удивляло и поражало г. Риттера (хозяинъ виллы) то необыкновенное количество писемъ, которое получалъ Чеховъ ежедневно съ каждой почтой. Хозяинъ это настолько заинтересовало, что онъ рѣшилъ узнать подробно о своемъ странномъ жильцѣ у доктора Гофрата Шверера, лечащаго Чехова. И когда узналъ, что это „Вегтмайеръ“, какъ они его называли, русскій писатель, окружилъ его тѣмъ особо зауряднымъ уходомъ и почтениемъ, который граничитъ съ надѣлательствомъ.

Чеховъ почти никакъ не ходилъ. Все болѣе сидѣлъ на балконѣ и только иногда его вывели на крыльцо въ садъ и онъ любилъ лежать въ немъ, грѣясь на солнышкѣ. Изъ многочисленныхъ и обстоятельныхъ

рассказовъ хозяина и пріемлю одного, какъ нибудѣ характерный и типичный для Чехова.

Однажды Чеховъ лежалъ въ креслѣ у себя на балконѣ. Замѣтивъ проходящаго мимо Риттера, онъ остановилъ его и спросилъ: — „Was machen Sie am Himmel“. — Нѣмцы, будучи очевидно невысокаго мѣтнія объ образованіи даже знаменитыхъ русскихъ писателей, и, рѣшивъ, что Чеховъ смѣшалъ слово „Himmel“ съ „Winter“, отвѣтилъ ему: — „мы занимаемся оготой или сномъ“. Чеховъ ничего ему не отвѣтилъ, а только улыбулся своими печальными, усталыми глазами...

Популярность Чехова въ Баденъ-Вейлерѣ создавалась необычно быстро. Газетчики, извозчики, даже дѣти, всѣ знали Чехова. Всѣ любили его. Еще теперь, я утѣренъ, но многихъ русскихъ городовъ не такъ много портретовъ Чехова, какъ тамъ. Вдовѣ покойнаго при перевезеніи тѣла было оказано всѣмъ населеніемъ поразительное вниманіе. Нѣмцы первые поставили ему памятникъ, отразивъ очень пышно и торжественно его открытіе.

Словомъ, казалось бы все говорить за то, что баденъ-вейлерцы оказали тотъ пріемъ Чехову, который онъ вполнѣ заслужилъ. И тутъ ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, откуда то встаетъ трагическій рокъ судьбы Чехова и вѣстиво, безжалостно и безощадно заставляющъ, быть можетъ, какъ никогда, страдать Чехова.

Хозяинъ виллы, съ такимъ уваженіемъ относящійся къ Чехову, узнавъ отъ доктора, что онъ безнадеженъ, и рѣшивъ, что смерть его искушаетъ другихъ жильцовъ и, убоясь такимъ образомъ убытковъ, предложилъ Чехову „solort“, какъ онъ говорилъ, очистить комнату.

И умирающаго, обезсмысленнаго страданіями челоѣка, пришлось перевозить въ номеръ плохой гостиницы („Hotel Sommer“) который изъ большой любезности, послѣ цѣлаго дня безконечныхъ хлопотъ и мятарствъ, удалось достать.

И никто, никто не могъ протестовать противъ этого. И всѣ эти люди, такъ развѣдушно пропустившіе палачество Риттера, черезъ три дня шли за гробомъ Чехова и жертвовали деньги на его памятникъ. И тотъ же самый хозяинъ, такъ безжалостно, такъ позорно поступившій съ Чеховымъ, черезъ недѣлю, не больше, развѣсѣлъ, по всѣмъ комнатамъ своей виллы портреты Чехова и рекламировалъ свой отель пребываніемъ тамъ Антона Павловича.

И такъ всю жизнь... И до боли сжимается сердце при одномъ сознаніи, что Чехову, такъ любившему людей, нанесенъ былъ такой оскорбительный ударъ, съ которымъ ему суждено было уйти навсегда отъ насъ...

И вспоминается опять старый смурый газетчикъ, плакавшій при видѣ снимка съ могилы Чехова, который, однако, не посмѣлъ протестовать противъ поступка нѣмецкаго буржуазнаго... Такова ужъ видна судь-

ба Чехова... Онъ любилъ людей, получалъ нѣтъ горе, тѣмъ помогалъ къ снѣ, нѣжно, какъ любящая мать, обаяла и обаяла... Его любилъ и не платили...

Чеховъ умеръ спокойно, почти безъ агоніи.

Проснувшись на разсвѣтѣ и почувствовавъ приближеніе смерти, онъ разбудилъ жену и, предупредивъ ее о наступающемъ концѣ, просилъ послать за врачомъ.

Спокойно, въ полусонномъ положеніи, съ откинутой назадъ головой, лишь на минуту теряя сознаніе, онъ что-то говорилъ о Россіи, о матросахъ, о солдатахъ, пролившіхъ тогда кровь на далекихъ поляхъ Маньчжуріи.

Когда вошелъ докторъ, Чеховъ черезъ силу приподнялся, крѣпко сжалъ ему руку и сказалъ: „Ich sterbe“.

Это были его послѣднія слова...

Курорты спали... Природа пробуждалась отъ сна, изъ на лѣса медленно и плавно поднималось молодое солнце, пріятно наступавшій день Поробушки, весело чиркала, перелетали съ нѣтки на нѣтку, еще покрытую ночной росой. Крутомъ радостно, свѣтло, тихо, ни звука... Только въ комнатѣ, куда черезъ окно пріятно глянѣть разнѣсная лѣва, спокойно, съ улыбкой на лицѣ, точно въ пріятномъ послѣ трудового дня снѣ лежалъ еще теплый Чеховъ.

Докторъ Швереръ, лечащій Чехова, удивился, зачѣмъ врачъ и друзья послали Чехова въ Баденъ-Вейлеръ. — „Es war ein Unfall“, — возмущенно добавлялъ онъ и говорилъ, что Чеховъ пріѣхалъ сюда живымъ и здоровымъ.

Но докторъ въ Баденъ-Вейлерѣ наивнѣ въ своемъ незнаніи Россіи. Онъ не знаетъ, что могила Гоголя заброшена и почти никому неизвестна. Онъ не знаетъ, что все-російская подонка на утѣкновеніе памяти Тургенева дала нѣмце тысячъ рублей.

Онъ не знаетъ, что нѣмцы „памятникъ Гоголю московское начальство пригласило всю администрацію города до околоточнаго включительно, и ни одного литератора, поэта, ученаго Онъ не знаетъ, что у насъ нѣтъ ни одного памятника Тургеневу, Достоевскому, Гончарову, Григоровичу и почти всѣмъ. Онъ не знаетъ, что имя Толстого нужно произносить съ ослепкой. Онъ не знаетъ, что институтъ Вейберга вѣдливо похоронилъ недалеко отъ албона, гдѣ казачьицышки типична нарушается громкимъ лоннымъ тѣлѣтъ, и побрякиваніемъ звонкомъ протѣкающихъ мимо нагономъ конки. Онъ не знаетъ Россіи...

И каждый разъ, когда я задумывался о судьбѣ русскаго писателя, и особенно о судьбѣ Чехова, мнѣ приходило на память это нѣжное слово нѣмецкаго гофрата „Unfall“.

И вспоминается оно душѣ мою тѣмъ большій тоской, сѣтливой со стыломъ, и звучитъ оно въ умѣ и мозгу моемъ нѣтъ-нѣтъ, заунывнымъ погребальнымъ звономъ...

„Нов. журн. для женщ.“.

Послѣдніе дни А. П. Чехова.

Надъ судьбой Чехова тяготѣла какой-то трагическій рокъ, строго, неотступно, преслѣдующій его всю жизнь до смерти.

Первое и, обласки заслуженной славы вмѣстѣ съ кровопролитіемъ, прикованность къ подлѣжной Ляты и въ это время неудержимое стремленіе къ Москвѣ. Его имя гремѣло. Нѣтъ зачитывалось. Ему завидовали. И, когда со всѣхъ сторонъ къ нему летѣла выраженія ушѣха, обожанія и преклоненія, онъ пугался въ суетѣхъ на поѣздку за границу для леченія и, безропотно, отлучко созавалъ, приближался къ могилѣ.

Онъ любилъ родину своей силой своего